DOI: 10.17117/na.2016.07.02.267

<http://ucom.ru/doc/na.2016.07.02.267.pdf>

Поступила (Received): 02.07.2016

Воронин В.С.
Мутовка социальных ценностей
в рассказах В.М. Шукшина

Voronin V.S.
Mutations of social values in V.M. Shukshin's stories

Литература в той или иной степени предчувствует направление социальных изменений. Правда, осознаётся это только потом, постфактум. Здесь в объективе нашего исследования оказались поэма Твардовского и рассказы Шукшина

Ключевые слова: мутовка социальных ценностей, иллюзия и реальность

Literature to one degree or another premonition direction of social changes. However, it is realized only later, after the fact. Here in the lens of our study were the poem of Twardowski and Shukshin's stories

Key words: mutations of social values, illusion and reality

Воронин Владимир Сергеевич

*Доктор филологических наук, профессор
Волжский гуманитарный институт (филиал)
г. Волжский, ул. 40 лет Победы, 11*

Voronin Vladimir Sergeevich

*Doctor of Philology Sciences, Professor
Volzhsky humanitarian institute (branch)
Volzhsky, 40 let Pobedy st., 11*

Согласно К. Марксу, господствующими идеями в обществе всегда являются идеи господствующего класса. В случае советского общества можно говорить об идеологии партийной номенклатуры, вкусы которой не стояли на месте, а менялись. Именно в сторону общества потребления. Можно сказать, что общественная психология опередила здесь общественную идеологию. Как ни странно, это было отмечено ещё А. Твардовским в его парадоксальной поэме «Тёркин на том свете». Здесь в мире, где все заявленные удобства только «обозначены в меню», но отсутствуют в реальности, потреблять, вообще говоря, нечего. Зато внезапно обнаруживается нетленная обнажённая натура, видимая в стереотрубу. Вожди нашего того света испытывают неодолимое влечение к запретному плоду не чужого того света: «Вот уж точно, как в музее – / Что к чему и что почём. / И такие, брат, мамзели, / То есть просто нагишом» [2, с. 300]. При этом понимание того, что их тот свет разлагается присутствует, однако и ориентация на полюс разложения задана. Однако в мире мёртвых – это единственное живое явление, вместе с Тёркиным, тоже умершим только наполовину. Поэтому эмблематически это не только разложение, регресс, но и развитие по отношению к мёртвому царству, претендующему на образцовый порядок. В несколько перевёрнутом виде А. Твардовский подметил здесь реальные тенденции правящей верхушки. Нарождающемуся прозападному диссидентству это и

в голову не могло прийти, а адепту соцреализма это оказалось вполне по силам, пусть и в форме фантастической сказки. Сетовать, впрочем, здесь не на что. Как подчёркивает современный исследователь: «Затормозить эволюцию в направлении интенсификации метаболизмов не в нашей власти, общество потребления – отнюдь не результат происков «плохих ребят», оно находится на острие вектора эволюции» [3, с. 293]. Представитель другого литературного поколения В.М.Шукшин тягу к обнажённой натуре зарисовал в характерной форме рассказа в рассказе. В комическом изображении сюсюкающего Петьки Краснова эти два вектора: разложение и развитие тоже просматриваются достаточно явно: «Идес, мля, по пляжу – тут баба голая, там голая – валяются. Идес, переступае через них» [4, т. 5, с. 254]. Этот простодушный парень по-своему осознаёт и столкновение этики и эстетики: «Так поглядис – вроде совестно, а потом подумае: нет, красиво!» [Там же]. Далее следует ссылка на атомный век и скорость, в одном ряду с которыми и находятся бесстыдные танцы. Авторский мотив его повествования: «думал, как повеселей» [4, т. 5, с. 255]. Но самому Петьке его повествование пользы не принесло: жена посрамила его и не допустила до себя. Но рассказ завершается на общей оптимистической ноте преодолемости чужого и наносного через единство человека и природы. Мимоходом затрагивает эту тему Шукшин и в своём «Генерале Малафейкине». Мало говорящий нелюдим маляр Малафейкин в разговоре с ночным пассажиром изображает из себя большого начальника, и слушатель ему полностью доверяет. В мечтах вообразившего себя большим начальником Семёна Ивановича появляются неизменные атрибуты: большая дача, прислуга, два сменных водителя, закрытые санатории, И, конечно, закрытые фильмы «с голяшками». Собеседник изумляется; «А как же... разве у нас снимают такие фильмы?». На что Семён Иванович, ни о чём не беспокоясь, со смехом отвечает: «Это ж не наши. Это оттуда» [4, т. 5, с. 43].

Если у Петьки Краснова есть осознание конфликтности этического и эстетического в этом случае, то воображаемый начальник безапелляционно заявляет: «Но, знаете, что я вам про всё это скажу: красиво!» [Там же]. И его испуганный собеседник боится что-либо возразить. Он не только не может разоблачить новоявленного Хлестакова, но почти уверен, что так и должно быть на самом деле. Итак, мутовка социальных ценностей не только произошла, но уже и стала общепринятой, более того обозначила некоторый вектор развития литературы и реальности. Твардовский отметил её на самом вершине мёртвого царства. Шукшин замкнул дугу мечтами представителя низов. Но «Генерал Малафейкин» ставит и более серьёзную проблему психологического расслоения общества. Острота её как раз в том, что она проникает в душу отдельного человека, раздваивает его, представителя низов, подставляющего себя в стиль жизни и поведения верхов. И, увы, он не умеет и не хочет эти половинки свести вместе. И мы узнаём, что народные типы для него – это мурло, появляющееся в огне его камина, некое видение, преследующее его и никогда не отстающее. По его представлениям, так и должно быть.

Мутовка социальных ценностей как раз и предполагает видоизменение истории, и, можно сказать, символически её направление указано в рассказе «Жена мужа в Париж провожала». Перед нами молодая семья москвички Вали и

сибирячка Коли. У жены – патологическая любовь к деньгам, у мужа – тоска по деревне и какой-то правильной жизни. Совершенно не случайно автор даёт сравнение Кольки Паратова с сибирячками, «каких запомнила Москва 1941 года, когда такие вот, ясноглазые, в белых полушубках день и ночь шли по улицам, одним своим видом успокаивая большой город» [4, т. 5, с. 5]. В каком-то смысле Паратов соответствует уверенному в себе множеству людей, как скажем, Василий Теркин. У него множество талантов, роднящих его с героем военной эпохи. Он мастер и сплясать, и сыграть, есть в нём и стремление к саморазвитию. Но совокупность обстоятельств уже другой самоубийственной эпохи, втягивает его в воронку, ведущую к гибели. Впрочем, с современной точки зрения квартира в Москве, красивая и богатая жена, своего рода индивидуальный предприниматель – отнюдь не «колоссальная фига» судьбы, какой она представляется герою. Её жажда к деньгам вполне естественное явление, как бы предсказывающее монетаризм эпохи постперестройки. Изумительно, что мать Коли, приехавшая к нему в Москву, чувствует чуждость невестки и окружающей обстановки, но убеждена, что жизнь сына исполнена добра и почти благословлена Богом: «Хорошо живёшь-то, сыночек хорошо. Куда с добром!.. Слава те господи!» [4, т. 5, с. 8]. Если Василий Тёркин смог выкарабкаться с того света, то Коля Паратов не смог ужиться с красивой и богатой женой на этом свете, хотя замашки индивидуального предпринимателя у него тоже имеются. В пересказе его жены они звучат так: «Мне бы вот такой маленький трактор, маленький комбайник и десять гектар земли» [4, т. 5, с. 10]. Рождение ребёнка большей частью должно укреплять семью, но к герою приходит странное понимание того, что теперь «он тут сел намертво» [4, т. 5, с. 7]. Финал рассказа трагичен и символичен одновременно. Направление на Европу обернулось самоубийством героя.

По мнению С.М. Козловой, рассказ «Воскресная тоска» «содержит абсурдную с точки зрения социалистического реализма позицию автора, которая заключается в том, что «Художник – сын божий», наделённый божественным даром – Словом, искрой божьей, созданный по подобию бога творцом земли, её степей, зорь, людей» [Цит. по: 1, с. 137]. Желание свести счёты с социалистическим реализмом уводит критика в сторону от здравого смысла. Суждение «Художник – сын божий» абсурдно с религиозной, мифологической, с атеистической – почти со всех точек зрения сразу. Ибо сына этого зовут Иисус Христос, и он был единственным в своём роде. Если иметь в виду какой-то метафорический смысл, то в «Воскресной тоске» герой писатель очень иронично оценивает свои собственные силы. До настоящего творца ему далеко. Он недоволен своим романом, начинает писать рассказ с натуры, но матушка жизнь откровенно смеётся над его воображаемым прогнозом беспроblemной любви молодых героев. Но печальный факт «Воскресной тоски» то, что реальность проиграла иллюзии. Впрочем, тоже произошло и в нашей недавней истории.

Список используемых источников:

1. Марьин Д.В. Несобственно-художественное творчество В.М. Шукшина: системное описание. Барнаул: Изд-во Алт. ун – та, 2015.
2. Твардовский А.Т. Поэмы. М.: Книжная палата, 1988.

3. Хайтун С.Д. Феномен человека на фоне универсальной эволюции. М.: КомКнига, 2005.
4. Шукшин В.М. Собр. соч.: В 5 т. М. Екатеринбург: Урал. рабочий, 1992.

© 2016, Воронин В.С.

Мутовка социальных ценностей в рассказах В.М. Шукшина

© 2016, Voronin V.S.

Mutations of social values in V.M. Shukshin's stories